

Глобализация современной российской науки¹

У социогуманитарной науки любого времени есть свои излюбленные термины, по веренице которых можно проследить ее историю. Их нетрудно отслеживать в названиях научных книг, статей, конференций и семинаров, в рабочей терминологии их участников и т. д., где они по частоте употребления и по пафосу, с которым употребляются, явно превалируют над всеми прочими категориями соответствующих дисциплин.

В современной социогуманитарной науке одно из самых «модных» и часто употребляемых понятий — *глобализация*, которой посвящена впечатляющая доля научных форумов и печатных работ. Этот фокус интересов вполне интернационален: по точному наблюдению В. Кузнецова, «уже несколько лет проблема глобализации находится в центре внимания аналитиков всего мира» (11, с. 103). Складывается и новое научное направление — глобалистика, претендующее на превращение в самостоятельную научную дисциплину и на многое другое (см.: 15).

Глобализация, как и любое конъюнктурное понятие, породило множество трактовок и интерпретаций: ее определяют как «возрастающую взаимопривязанность мира» (15, с. 123), как «процесс сочленения различных компонентов человечества в ходе его эволюции в противоположность процессу дифференциации человечества» (16, с. 114) и т. п. При этом замечено, что, во-первых, «глобализация — термин, который толкуют и используют очень по-разному» (8, с. 65), во-вторых, «тема “глобализации”, широко обсуждаемая в политике, науке, средствах массовой информации, стала, с одной стороны, всепроникающей, а с другой — столь расплывчато трактуемой, что это не может не компрометировать сам предмет» (12, с. 84).

И действительно, сама категория глобализации чрезмерно «глобалистична», а область ее значений разрослась настолько (и это тоже очень характерно для популярных понятий), что настал черед ее «вторичного» уточнения и дифференциации. Ведь, как справедливо отмечает В. Максименко, «термин “глобализация”, когда его употребляют абстрактно, как часто бывает, без ука-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 03-06-80171, и РГНФ, проект № 02-03-18273а.

зания на объект глобализации, теряет смысл» (12, с. 84). По крайней мере, настала пора перейти от изучения «глобальной глобализации» к анализу того, что можно назвать «локальными глобализациями», т. е. глобализации различных областей социальной жизни.

Смысл выдвинутого тезиса достаточно прост если вообще не тривиален: глобализация действительно «глобальна», и, соответственно, современный мир переживает глобализацию не только того, что М. Вебер называл «всеобщей общественной жизнью», но и ее отдельных подсистем — политики, экономики, науки, образования, культуры и др. И, если в отношении, скажем, мировой, а, точнее, западной науки, этот процесс лишь служит продолжением давно заложенных тенденций, в общем и целом выразимых банальной, но не совсем верной формулой «наука интернациональна», то в российской науке, в силу ее специфики (кстати, отчасти опровергающей тезис об интернациональности науки), он имеет целый ряд свежих проявлений.

* * *

В принципе, на процесс глобализации современной российской науки можно спроецировать основные понимания глобализации вообще, описав его как нарастание интернациональности нашей науки, ее зависимости от мировой науки, развитие связей и «стирание граней» между ними, вхождение России в мировое научно-образовательное пространство и т. п. Каждое из соответствующих определений было бы не более казенно и тяжеловесно, чем любое формальное определение чего-либо, как правило, лишь затемняющее интуитивно ясное. Вместе с тем при переходе от этих определений к *основным составляющим* глобализации российской науки пустота общих дефиниций заполняется конкретными смыслами, а кажущаяся тривиальность процесса перерастает в порождаемые им проблемы и противоречия.

1. Одну из главных составляющих глобализации российской науки принято связывать с *физическим перемещением ученых*, обеспеченным снятием «железного занавеса» и стимулированным стремлением всего лучшего, в т. ч. и лучших «мозгов» нации, туда, где лучше, т. е. на Запад. В нашем массовом сознании это перемещение ассоциируется в основном с т. н. «утечкой умов», т. е. с выездом российских ученых на ПМЖ в другие страны, преимущественно в США и Германию, служащие главными «реципиентами» российских «мозгов».

Не будем даже пытаться воспроизводить все перипетии, сопутствовавшие осознанию социальных последствий этого процесса — прежде всего, конечно, для нашей страны, и его изучению с начала 90-х гг. истекшего века. Отметим лишь, что наше отношение к нему в последнее десятилетие шарахалось, в соответствии с нашей национальной традицией, из крайности в крайность. Мы объявляли его то трагедией России и угрозой ее национальной безопасности, то — потенциальным источником баснословных дивидендов, при этом систематически и многократно завышая его масштабы. Так, указывалось, что из нашей страны ежегодно уезжает 70–90 тыс. ученых (если бы это было так, то сейчас численность нашего научного сообщества исчислялось бы отрицательными величинами), что российская научная диаспора

составляет порядка 300 тыс. чел., что наши физики-ядерщики давно пустили корни в Ираке и в Иране и т. п.²

Более взвешенные оценки численности нашей научной диаспоры сводятся к тому, что в зарубежных странах «осело» порядка 30 тыс. российских ученых (что, конечно, тоже не мало), а тех, кто вышел на ведущие роли, например, получив постоянные позиции в университетах США, вообще не более 300 чел. (7). Правда, не исключено, что подобные, контр-алармистские, оценки «перегибают палку» в обратную сторону. Численность нашей научной диаспоры мы подсчитать не можем и в обозримом будущем вряд ли сможем, но ясно, что она, хотя и не так грандиозна, как ее описывают представители сколь распространенной, столь и нелестной для оставшихся в России позиции «все лучшие уже уехали», однако достаточно многочисленна.

Иногда сетуют на то, что эта диаспора ведет себя не так, как китайская, индийская, корейская, индонезийская и прочие национальные научные диаспоры, представители которых регулярно посещают родные страны, читают там лекции, «привозят» гранты и т. п., и вообще служат эффективным связующим звеном между своей национальной и мировой наукой (именно в данной связи и принято считать, что утечка умов «выгодна» странам-донорам). Наши же эмигранты все это делают гораздо реже, да и за рубежом, как привило, адаптируются по принципу «каждый сам за себя», что позволяет говорить о них как о *диаспоре*, предполагающей достаточную развитость и прочность внутрдиаспорных связей, лишь с достаточной долей условности. Тем не менее и сам факт постоянного пребывания большого количества российских ученых за рубежом, и поддержание ими определенных, хотя и не слишком плотных, контактов с российской наукой, и сама возможность работы в зарубежных странах, открытая перед нашими учеными, безусловно, служат одной из составляющих глобализации современной отечественной науки и, соответственно, одним из каналов ее включения в мировую науку.

Симметричный по отношению к данному каналу глобализации — физическое перемещение в Россию ученых из-за рубежа. Нет нужды напоминать о том, что именно этим путем формировалась — при Петре I — российская наука, хотя, вопреки романтическим мифам о тех временах, в качестве ученых подчас приглашали довольно-таки случайных людей. Например, в качестве химика однажды пригласили далекого от науки человека лишь за то, что его дядя занимался химией.

В советское время зарубежные ученые, приезжавшие в нашу страну с лекциями или по какой-либо другой нужде, были диковинным феноменом, — сказывались и «железный занавес», и прочие обстоятельства. Исключением, естественно, служили ученые из соцстран, но, поскольку наука там была построена по нашему советскому образцу, данный вид международных контактов отечественной науки обеспечивал в лучшем случае ее «локальную глобализацию».

² Подобные преувеличения были основаны не только на отсутствии сколь-либо надежной статистики и объективных трудностях ее накопления, но и на естественном желании исследователей проблемы продемонстрировать ее первостепенную важность, в результате чего соответствующие работы носили не столько научно-аналитический, сколько лоббистско-алармистский характер: дескать, надо срочно дать на отечественную науку денег, а то все наши ученые разьедутся и, не дай Бог, в Северную Корею, Иран или Ирак.

В последние годы зарубежные ученые приезжают к нам все чаще — и не только наши эмигранты, но и коренные представители западной науки. Причем если раньше ареал их пребывания редко распространялся за пределы Москвы и Ленинграда, то нынче иностранных гостей можно встретить во многих наших региональных университетах, где находятся средства для выплаты им достойных гонораров за лекции.

Правда, полностью симметричная по отношению к утечке умов из России форму интеллектуальной миграции — переезд в нашу страну зарубежных ученых — пока представлена лишь единичными случаями. Однако, по крайней мере, наши эмигранты начинают возвращаться в Россию, формируя второй «кадровый» вектор глобализации современной российской науки.

Еще одна форма ее «кадровой» глобализации — все более широкое распространение в ней такого явления, как *российский ученый, обучавшийся за рубежом*.

Напомним, что историю утечки умов из нашей страны принято отмерять от времен Бориса Годунова, отобравшего 18 наиболее одаренных боярских отпрысков и пославшего их — за счет казны, естественно — на обучение в европейские университеты. Ни один из них не вернулся.

К счастью, эта традиция сейчас нарушается, и определенная часть наших сограждан, уезжающих учиться за рубеж, возвращается обратно — в том числе и в нашу науку. К сожалению, пока нет сколь-либо надежных статистических данных, позволяющих оценить численность данного контингента. Однако отмечается, что «если ограничить наше суждение областью социальных наук, то численность научных сотрудников и преподавателей, получивших в той или иной форме поддержку западных фондов и университетов с 1994 по 1999 гг., составляет 500–700 человек» (3, с. 76). Отмечается также, и тем же автором, что «к 2001 г. прозападный контингент превратился во вполне распознаваемую часть профессионального сообщества (российского — А. Ю., И. Ц.). В определенном отношении они являются замкнутой группой и образуют свой круг общения, маркированный внешним видом, стилем письма, в том числе символическим цитированием и профессиональным жаргоном, а также независимым поведением, — определенным хотя бы тем обстоятельством, что их научные работы публикуются на иностранных языках» (там же, с. 76).

Этот «прозападный контингент» не всегда органично вписывается в нашу науку, поскольку он и в самом деле *прозападный*. Т. е. его представители ориентированы на западные стандарты научной деятельности, не воздают должного нашим отечественным чинам и регалиям, воспринимают некоторые наши организации, например, РАН, как архаизм, несколько свысока смотрят на своих коллег, не обучавшихся за рубежом, и т. п. Возникают и анекдотические ситуации. Например, в 1999 г. в одном из наших периферийных университетов защищал докторскую диссертацию российский выпускник Манчестерского университета, работа которого была посвящена полемике по поводу концепции власти, разработанной М. Вебером. Почти никто из местных мэтров не понял, о чем идет речь. Но их выручил председатель Диссертационного совета — усталый седой общественник, который спросил с укоризной: «А как Вы относитесь к принципу партийности?», от чего диссертант совершенно остолбенел (3, с. 76).

В общем, отношения наших ученых со своими коллегами, обучавшимися за рубежом, складываются отнюдь не безоблачно. Но не более проблемно,

чем отношения между нашими же «западниками» и «почвенниками» (классификация Е. Б. Шестопаля)³ или между «местниками» и «космополитами» (классификация У. Корнхаузера), существующими в любой национальной науке. А обучавшиеся на Западе служат одним из живых носителей основных тенденций глобализации, распространяя в нашей научной среде те знания и образцы поведения, которые характерны для мировой науки. И нет сомнения в том, что данная прослойка нашего научного сообщества, пока немногочисленная, будет разрастаться, а ее влияние — вследствие ее тесных связей с зарубежными научными фондами и т. п. — будет возрастать еще быстрее, чем ее численность.

2. Вторая слагаемая глобализации российской науки тоже сопряжена с падением «железного занавеса», но при этом, в отличие от первой, не с физическим перемещением ученых, а с явлением, которое получило название «аутсорсинг». Сейчас немало российских НИИ работает на иностранных партнеров, особенно жалующих исследовательские учреждения ВПК, рабочие договоры с которыми заключили такие зарубежные корпорации и фирмы, как «Форд Моторз», «Дженерал электрик», Юнайтед технолоджис», «Гудрих дай», «АТ&Белл Лабороториз», «Сай Дайменд технолоджис», «Сан Микросистем», «Коминг» и др. (23). В результате сейчас порядка 10 тыс. ученых, живущих в России, работают на американские организации и около 20 тыс. — на Евросоюз (там же). Причина очень проста и предельно четко сформулирована Я. Вынусом — директором фирмы «Планкон»: «в России вы можете нанять специалиста в области химии и биологии (эти науки, естественно, — не исключение — А. Ю., И. Ц.) за одну десятую зарплаты, которую подобный специалист получает у нас в Америке» (цит. по: 23, с. 105—106). И представители зарубежных фирм быстро смекнули, что «могут сэкономить миллионы долларов и годы исследований, покупая мозги в этом настоящем универмаге науки и техники» (там же, с. 106).

Основным каналом рассылки «товаров», т. е. наших идей, из этого «универмага», естественно, служит электронная почта. Поэтому в последние годы заговорили об «электронной утечке умов» или «утечке идей» (см.: 23), которую многие считают не менее серьезной проблемой, чем традиционная утечка умов, хотя «электронная утечка» имеет как негативные, так и позитивные стороны.

Но, как бы ни относился к этому процессу, его следует признать одной из форм глобализации современной российской науки. Причем он является не просто односторонней «утечкой», а оказывает и обратное воздействие на российскую науку — путем ее приобщения к приоритетам мировой науки, финансовой поддержки наиболее перспективных исследовательских направлений и т. п.

3. Третья слагаемая глобализации нашей науки наиболее родственна тем формам глобализации, которые характерны для развитых стран. «Сей-

³ Е. Б. Шестопаля видит главное различие между ними в том, что если «западники» пытаются включить российскую гуманитарную науку в некий международный контекст концептуальных моделей и методологических подходов, то «почвенники» исходят из того, что западные модели не применимы к нашей российской действительности, и предпринимают попытки построения некой «особой» российской науки (17).

час примерно треть всех наших статей публикуется за рубежом и около четверти — в соавторстве с зарубежными учеными», — отмечает М. Арапов, добавляя, что «это очень существенные изменения по сравнению с СССР» (2, с. 178). Публикация изрядной доли наших статей за рубежом⁴ — показатель того, что немалая, хотя пока и явно недостаточная, часть нашего научного сообщества уже более или менее интегрирована в мировую науку. Но еще более важным показателем интегрированности служит большое количество статей, опубликованных российскими учеными в соавторстве с зарубежными коллегами.

Разумеется, за этими, как и за любыми совместными публикациями, могут стоять разные ситуации, в частности, что кто-то к кому-то «примазался», кого-то «взяли» из уважения или престижных соображений и т. п. Но все-таки, по всей видимости, значительно чаще стоит другое и очень позитивное для нашей науки явление — совместная исследовательская деятельность российских ученых с зарубежными, их включенность в интернациональные исследовательские коллективы. И особенно отрадно то, что, как отмечает Г. В. Бромберг, хотя увеличение числа научных публикаций, подготовленных международными авторскими коллективами — это общемировая тенденция, «интенсивность связей российских ученых (по данному параметру — А. Ю., И. Ц.) несколько выше среднемировой: доля публикаций в мировых журналах, подготовленных ими совместно с зарубежными соавторами, составляла 21 % их общего числа за период 1991—1995 гг., в том числе в области физики — 30 %, наук о Земле и космических исследований — 32, математики — 33 %» (5, с. 18), и «эти показатели примерно в полтора раза превышают соответствующие доли по указанным областям мировой науки в целом» (там же, с. 18). А «в других областях — химии, биологии, клинической медицине, технических науках, биомедицинских исследованиях — аналогичные доли несколько ниже (в пределах 12—19 %), но тоже не уступают среднемировым оценкам» (там же, с. 18).

Приведенные данные не оставляют сомнений в том, что значительная (опять же подчеркнем: но явно недостаточная) часть нашего научного сообщества уже не «варится в собственном соку», как в прежние годы, а интегрирована в интернациональные исследовательские сети, хотя, конечно, в разных научных дисциплинах и в разных направлениях исследований дело обстоит по-разному.

4. Пожалуй, наиболее очевидной слагаемой глобализации современной отечественной науки является *Интернет*, который одновременно служит и ее главным техническим средством. Было бы слишком тривиальным напоминать о том, что Всемирная паутина не признает государственных границ и открывает перед российскими учеными ни с чем несравнимые возможности использования общемировых источников информации, доступа к зарубежным научным изданиям, переписки — посредством электронной почты — с зарубежными коллегами, участия в международных электронных конференциях и т. д.

Конечно, этот коммуникационный ресурс пока используется далеко не всеми категориями отечественных ученых, причем в интенсивности его

⁴ Подробнее об этом см. в: (13).

использования имеются существенные возрастные и прочие различия.⁵ Однако российские «особенности национальной интернализации» очень отрадны. Во-первых, «Интернет “растет” в России вшестеро быстрее, чем в благополучных Нидерландах» (6, с. 79). Во-вторых, в нашей стране ученые образуют одну из наиболее активных групп его пользователей⁶ (18).

Возможно, за этим отрадными фактами стоит компенсаторная функция Интернет: мы, в силу нашей бедности, меньше путешествуем, чем те же голландцы, и дефицит физического перемещения по миру пытаемся компенсировать перемещением виртуальным. Тем не менее есть все основания сделать оптимистичный вывод о том, что наша страна идет уверенным шагом ко всеобщей «интернетизации», и в фарватере этого движения шествуют отечественные ученые. При этом нет нужды доказывать, что глобализация российской науки пропорциональна ее «интернетизации» и будет нарастать с приобщением к данному шедевру современной цивилизации все более широких слоев наших ученых.

5. Куда менее тривиально и более проблемно выглядит *глобализация содержательного контекста* современной отечественной науки, тоже являющаяся важной слагаемой ее глобализации.

В этой связи надо отметить, что, несмотря на постоянно декларируемую интернациональность науки, российская наука во все времена имела свои национальные особенности, которые проявлялись и в специфике ее социальной организации, и в своеобразии того знания, которое строили отечественные ученые (20). Наиболее явным проявлением последнего было развитие у нас областей «знания», таких, например, как марксистско-ленинская философия или научный коммунизм, которые на Западе не считались таковым, или, наоборот, непризнание у нас, например, генетики, кибернетики и социологии, которые там были полноценными науками. К тому же в нашей стране культивировались т. н. «марксистская социология», «марксистская психология» и др., каждая из которых довольно агрессивно противопоставляла себя нормальным вариантам одноименных наук. Конечно, все это можно подать как некий идеологический артефакт или случайность, но, если использовать формулу той же марксистско-ленинской философии, «случайность — это непознанная закономерность», а призраки тех времен все еще продолжают гулять по умам наших обществоведов.

Существовали и более тонкие проявления когнитивной специфики отечественной науки. Например, национальные особенности российской философии, которые проявлялись даже в тех случаях, когда она не была идеологизирована или политизирована (что случалось очень редко), выражая особен-

⁵ Как показывают наши данные, электронную почту регулярно используют в своей работе 73 % ученых в возрасте до 35 лет и лишь 39 % тех, кто старше 50, а Интернет — соответственно 82 % и 27 %. Но куда более любопытно то, что и то, и другое представители социогуманитарных наук используют значительно чаще, чем «естественники»: электронную почту соответственно в 77 % и 46 % случаев, Интернет — в 59 % и 42 %.

⁶ Это соответствует общемировым тенденциям. По данным ООН, около 40 % пользователей Интернет составляют некоммерческие организации, прежде всего, научные учреждения и библиотеки, а научное сообщество при своих сравнительно небольших размерах «забирает» почти половину всего мирового трафика (6).

ности российского менталитета. По общему признанию, такие философские системы, как созданные В. Соловьевым, Н. Бедаевым, И. Ильиным и др., могли родиться только в России. То же самое можно сказать и о других наших социогуманитарных науках и порожденных на их поле концепциях, а в какой-то степени и о естественных науках (см.: 20; 24 и др.)

Отечественная система образования, во многом определявшая содержательную специфику российской науки, тоже была довольно-таки уникальной, что проявлялось в том, какие именно дисциплины и как у нас преподавались.

Сейчас российская наука по своему содержанию все более сближается с западной, причем сближение наиболее заметно там, где в прежние годы существовало наибольшее удаление – в сфере социогуманитарных дисциплин. Образование, которое получают отечественные гуманитарии, становится все более похожим на то, которое имеют их западные коллеги – и не только за счет обучавшихся за рубежом. Сказываются и падение «железного занавеса», и ликвидация таких учебных дисциплин, как истмат, диамат, история КПСС и научный коммунизм, обеспечивавших «самобытность» отечественной системы образования, и ее общая деидеологизация, и наличие изрядного по численности профессорско-преподавательского контингента, постоянно курсирующего между Россией и зарубежными странами. Одновременно (а отчасти и вследствие) происходит и сближение содержания исследовательского процесса в плане его нормативно-этических оснований,⁷ методов исследования, опорных методологий, теорий, которые используются для интерпретации эмпирических данных. Да и вообще *российская социогуманитарная наука постепенно превращается в посреднический механизм трансляции знания, произведенного на Западе, в нашу социальную практику.*

Справедливости ради надо признать, что и в позднесоветские годы, несмотря на формальное развитие отечественной социогуманитарной науки на марксистских основаниях, мифы о марксистской социологии, психологии и др. (над которыми прогрессивные преподаватели и студенты иронизировали примерно также, как и над выступлениями наших терявших вставные челюсти вождей), декларативное противостояние науке «буржуазной» и прочую идеологизированную чепуху, большинство наших социогуманитарных дисциплин в своей образовательной и исследовательской частях строилось на западных теориях, а их реальной рабочей методологией был кондовый американский позитивизм, в приверженности которому мы намного превосходили его основателей. Т. е. наша реальная, а не абстрактно декларирувавшаяся, социогуманитарная наука была куда более интегрированной в общемировое интеллектуальное пространство, нежели принято считать.

Тем не менее ее деидеологизация и избавление от соответствующих ритуалов, таких, как ссылки на классиков марксизма и вышеупомянутых облада-

⁷ В этой связи отметим, что хотя у нас никогда не подвергались сомнению такие нормы научной деятельности, как объективность, незаинтересованность, организованный скептицизм и др., описанные Р. Мертоном в качестве конституирующих основу этоса научной деятельности, в советской науке одновременно декларировался и «принцип партийности», который лишь искуснейшие из советских демагогов могли примирить с объективностью и незаинтересованностью, основополагающими нормами научной деятельности служили цензура и т. п.

телей вставных челюстей, естественно, привели к еще более плотной интеграции. Причем некоторые западные концепции у нас известны даже лучше, чем на Западе — хотя бы вследствие большей унифицированности нашего образовательного пространства. В результате некая концепция, разработанная, например, в Чикаго, нередко приобретает в нашей стране куда большую известность, чем, скажем, в Нью-Йорке, где о ней могут и вообще не знать.

Все это, разумеется, не означает, что отечественная наука полностью утратила свою содержательную самобытность. Мы еще не списали в тираж свои «самобытные» концепции — от созданных великими русскими философами до разрабатывавшихся классиками советской науки,⁸ далеко не все из которых выполняли идеологический заказ. Немало современных российских ученых, наверняка, подписалось бы под словами Н. И. Кареева «для нас это (западная наука — А. Ю., И. Ц.) — чужое платье, которые мы продолжаем носить по недоразумению» (10, с. 176) или под словами И. А. Ильина «русская наука не призвана подражать западной учености, ни в области исследования, ни в области мировосприятия. Она призвана вырабатывать свое *мировосприятие, свое исследовательство*» (9, с. 442). Не склонили своей гордой головы, а лишь слегка приуныли, и марксисты — особенно те, кто не сумел переквалифицироваться в политологов или культурологов. Вышеупомянутые «почвенники» стоят на том, что разработанные на Западе социогуманитарные теории, в силу специфики нашей страны, к ней вообще не применимы. Да и многие «западники», а тем более те, кто не склоняется ни к одной из этих полярных ориентаций, как правило, убеждены в том, что наша страна действительно очень специфична, и то знание, которое накоплено западной наукой, нуждается, по крайней мере, в «коррекции» и «адаптации» с учетом наших отечественных реалий. И все перечисленные категории исследователей настойчиво продолжают искать нашу «национальную идею», даже если она видится, как в случае «западников», в безоговорочной ориентации на Запад (на самом Западе такой идеи нет, и наука не выстраивается путем ориентации на какой-либо географический регион).

В общем отечественной науке, прежде всего социогуманитарной, еще хватает и, видимо, всегда будет хватать содержательной самобытности. Однако на фоне глобалистских тенденций эта самобытность постепенно убывает и к тому же обретает более интернациональные, свойственные и другим странам формы, узаконенные общепринятой логикой научного познания.

6. С глобализацией содержания отечественной науки тесно связана еще одна слагаемая ее глобализации — *сближение исторических ретроспектив, т. е. видения ею и мировой наукой своей истории.*

Специфика прежнего — советского — видения истории науки была обусловлена не только идеологическим заказом, формулой «Россия — родина слонов», побуждавшей приписывать отечественным ученым как открытия, имеющие спорное авторство (случай Попова и Маркони),⁹ так и открытия, которые

⁸ Ярким примером может служить психологическая теория деятельности, разработанная Л. С. Выготским и его последователями и до сих пор начертанная на знаменах отечественной психологии, а автор этих строк недавно был свидетелем случая, когда у диссертантки возникли неприятности из-за того, что она на эту теорию не сослалась.

⁹ Отметим, что это вполне нормальная и интернациональная практика прочтения истории науки, которую любая нация «немного искажает» в свою пользу.

они явно не совершали. В дополнение к этому мы обнаруживали склонность видеть эту историю сквозь призму марксистских представлений о базисе и надстройке, мифов о «соединении преимуществ социализма с достижениями научно-технического прогресса» и т. п.

Сейчас все это в основном списано в тираж, хотя (марксизм был не только догмой и руководством к действию, но и стилем мышления) далеко не всеми. Однако наше видение истории науки — и отечественной, и мировой — сохраняет свою специфику, в том числе и психологическую, проявляющуюся, например, в восприятии выдающихся ученых прошлого сквозь призму хорошо известного в психологии «эффекта ореола». В работах наших историков корифеи отечественной науки очень похожи на ангелов, в то время, как зарубежные историки не стесняются писать, например, о том, каким склочным человеком был Ньютон или как третировал свою жену Эйнштейн, что позволяет реконструировать истинную, а не парадную историю науки. В отечественной же истории науки тенденция к «парадности» пока сохраняется. Однако «мода на разоблачения» и здесь приближает нас к интернациональному дискурсу.

7. Очень важный и интересный аспект глобализации современной российской науки — *изменение социально-психологического (а отчасти, и физическое-го) облика отечественного ученого*, его постепенное приближение к международным стандартам.

Как показывают опросы, в современном российском обществе сложился своеобразный, уничижительный и не лишенный оснований образ отечественного ученого как «нищего с протянутой рукой» (см.: 19) — бедного и обездоленного интеллигента в протертых ботинках. Этот образ активно культивируют и СМИ, причем из наилучших побуждений — из желания помочь науке, «разжалобив» наших сограждан. Тем самым в нашем прагматическом обществе ей оказывается медвежья услуга. Причем любопытно, что, как показано путем контент-анализа публикаций о науке, у нас возникает очень любопытная асимметрия «сильного» образа науки и «слабого» образа ученых как ее представителей. Наука описывается как символ престижа и мощи государства, основа эффективности экономики, условие научно-технического и социального прогресса, а отечественные ученые — как бедные, слабые, обнищавшие, косяками «утекающие» за рубеж и т. п. (4). При стратегической неадекватности такого расхождения стереотипов все же трудно не признать, что за ним стоит реальность, а, точнее, очередная нелепость современной российской реальности.

Вместе с тем следует признать и то, что диагноз состоянию современного российского научного сообщества выносится методом вычисления средней температуры по больнице, в то время как оно весьма неоднородно и вместе со всем нашим обществом переживает интенсивный процесс *расслоения* (см.: 21). В результате наряду с обездоленными интеллигентами в протертых ботинках появилась и новая страта, которую можно назвать «новыми русскими учеными» (там же). Ее представители имеют вполне приличные, по нашим понятиям, заработки — не менее 1 тыс. дол. в месяц, как правило, совмещают несколько мест работы, хорошо знают иностранные языки, регулярно ездят за рубеж, где уже не выделяются среди зарубежных коллег протертыми ботинками или умением выговорить на иностранном языке только

свою фамилию. Это — совершенно интернациональный тип ученых, своего рода «граждане Вселенной», которые уверенно чувствуют себя в любой стране и отличимы от ее коренных интеллектуалов разве что русской (да и то не всегда) фамилией.

Этот слой нашего научного сообщества пока немногочислен. Но он быстро разрастается, гораздо более жизнеспособен, чем все прочие слои, и нет сомнений в том, что именно за ним будущее. Причем, как показывают опросы, его представители, в отличие от ряда других категорий наших ученых, никуда не собираются уезжать, поскольку им неплохо и в нашей стране — в той мере, конечно, в какой в ней вообще может быть неплохо. И, вероятно, именно они служат главными носителями глобалистских тенденций в современной российской науке — и своим личным соответствием интернациональному облику ученого, и трансляцией в нее интернациональных тенденций.

8. В связи с только что сказанным можно выделить и еще одну линию глобализации современной российской науки — *ее социальную и психологическую глобализацию*.

Социальная глобализация достаточно тривиальна и состоит в постепенном, хотя и медленном, отмирании у нас специфически советских форм организации науки и все более широком распространении западных форм. Постепенно уходят в прошлое советские НИИ-гиганты, насчитывающие сотни, а то и тысячи человек. Все большее распространение получают НИИ-карлики, в постоянном штате которых состоят 5–10 сотрудников. Главный символ советской науки — Академия наук — переживает все более тяжелый кризис, и постоянно ведутся разговоры о ее радикальной перестройке, а то и о ликвидации. Лучшие академические ученые переходят в вузы, где, напротив, наука, подкрепленная мощными финансовыми потоками, переживает расцвет. Вводятся ученые степени западного образца. В общем, налицо явная тенденция движения социальной организации отечественной науки к тем организационным формам, которые характерны для Запада, прежде всего, для США, и было бы странным, если бы на фоне вестернизации всей нашей жизни этого не происходило.

Куда менее тривиально выглядит глобализация психологического контекста российской науки, специфика которого во многом определяла ее самобытность. Этот контекст включал особые взаимоотношения между отечественными учеными (для которых были нехарактерны, например, битвы за приоритет, переполнявшими историю западной науки со времен затяжной тяжбы между Ньютоном и Лейбницем), специфическую мотивацию научного труда, своего рода «коллективистский мессианизм» как антипод «индивидуалистическому мессианизму» западной науки (20), особую систему ценностей, порождавшую «культ служения обществу» (24) и др.

Было бы преувеличением сказать, что на фоне прагматизма, захлестнувшего современную Россию, от всего этого остался лишь бледный след. Однако наши суды сейчас завалены делами об интеллектуальной собственности, одной из главных ценностей научной карьеры стала эмиграция за Запад и получение там достойного места работы (см.: 23), «культ служения обществу» сменился совсем другими чувствами по отношению к нашему обществу, а характерные для западной науки индивидуалистические мотивы — заработать, получить

признание, найти хорошее место работы и т. п. — постепенно вытесняют мотивы коллективистские. В этом состоит психологическое сближение российской и мировой науки, постепенная утрата первой своей психологической самобытности, в чем, естественно, есть свои и позитивные, и негативные стороны. А большинство прогнозов сводится к тому, что наш ученый завтрашнего дня — это космополитически настроенный прагматик, а не уходящий в прошлое коллективистки настроенный идеалист, главной заботой которого была забота о престиже и оборонной мощи Державы.

9. Аналогичный прагматизм проявляется и в еще одном ракурсе глобализации современной российской науки — в *глобализации системы ее отношений с нашим обществом*. Если раньше эти отношения выглядели романтично, на полюсе науки выступая как описанный выше «культ служения обществу», а на полюсе общества — как «романтический сциентизм» (23), то сейчас наблюдается их отчетливо выраженная прагматизация. И вполне закономерно, что прежняя идеология взаимоотношений науки и общества, отголоски которой звучат в призывах академической элиты «спасать» отечественную науку во имя ее самой, ее уникальных достижений и славных традиций, вытесняется новой, зафиксированной в государственных программах развития науки (см.: 14) и основанной на том, что она нужна обществу прежде всего для решения прагматических задач — построения «экономики, основанной на знаниях», развития наукоемкого производства, увеличения ВВП. Все это, естественно, смещает приоритеты на прикладную, практически ориентированную науку, задвигая «познание ради любопытства» и удовлетворения других непрагматических потребностей далеко на задний план, что ставит фундаментальную науку в трудное положение.

Данная ситуация вполне интернациональна, современное общество относится к науке преимущественно потребительски, а современная наука ждет от него «романтического» отношения к себе, весьма прагматически, по принципу «деньги давай», относясь к окружающему ее социуму. Это порождает ситуацию асимметричных ожиданий и взаимных обид. И в данном плане отечественная наука тоже «подпала под глобализацию», т. е. под общую прагматизацию отношений между наукой и социумом, хотя в нашем обществе она придавлена и дополнительным грузом — извращенных рыночных отношений, перманентного дефицита средств в казне, специфических нравов отечественных бизнесменов и т. п.

10. И, наконец, еще один аспект глобализации современной российской науки носит специфический для нее характер и может быть обозначен как ее *«внутренняя» или внутривосточная глобализация*.

Одной из главных особенностей отечественной науки традиционно была ее предельная концентрация в двух «столицах», где и поныне сосредоточена львиная доля ее потенциала. В принципе, любая национальная наука имеет свой центр и периферию, но трудно найти государство, где диспропорции в развитии «центральной» и «периферийной» науки были бы так утрированы, как в России. Ясно, что эта диспропорция — не что иное, как отображение с сфере организации науки чудовищных диспропорций в обеспечении центра и периферии, ставших одним из символов советских времен. (За концентрацией почти всей советской науки в Москве так или иначе стояло сосредото-

чение почти всей советской колбасы в московских магазинах.) И именно данное обстоятельство, которое не могло не породить мощнейших центростремительных импульсов, послужило одной из главных причин постепенного «хирения» наших некогда процветающих наукоградов.

Постепенное выравнивание обеспечения центра и периферии благодаря рынку и его пионерам — челнокам, в мозгу которых не существует подобных понятий, пока не привело к соответствующему рассредоточению отечественной науки. Московские профессора и академики переселяться в Томск или Новосибирск пока не спешат. Однако и прежних центростремительных тенденций уже не существует, а наиболее мобильные представители региональной науки устремлены не в Москву, как прежде, а в Нью-Йорк или в Париж. Да и вообще для нашей региональной науки сейчас характерны прямые связи с мировой наукой, непосредственная, а не опосредованная, как раньше, Столицей, интеграция в нее. Сказывается также политика зарубежных научных фондов, одним из приоритетов которой служит поддержка именно *региональной* российской науки,¹⁰ частные инвестиции, такое явление, как «нефтяные университеты», где зарплата преподавателей чувствительно выше, чем в большинстве московских вузов, и другие подобные факторы.

В результате происходят постепенное выравнивание столичной и региональной науки и депривинциализация последней. И, хотя количественные диспропорции по-прежнему очень велики, типовой, скажем, саратовский или кемеровский профессор уже мало отличается от московского, что и дает основания говорить о смягчении центр-периферийных различий и, соответственно, о «внутренней» глобализации отечественной науки.

* * *

Тема глобализации имеет привычный «довесок» в виде обсуждения контрглобалистских тенденций. Применительно к глобализации современной российской науки это вопрос о том, что «не глобализуется» в ней, оставаясь островками отечественного традиционализма. Главный «архипелаг» таких «островков» — это, естественно, РАН, которая не похожа ни на одну из зарубежных академий и мало понятна зарубежным ученым как своим устройством, так и его удивительной устойчивостью под напором внешних изменений. У нас меняется все, кроме РАН, которая, безусловно, заслуживает величественных слов из книги «Закон Паркинсона»: «академическая организация незыблема: это монолитная скала, с которой труженики науки наблюдают за приливами и отливами человеческого моря» (цит. по: 22, с. 38).

Немало элементов специфического для нас традиционализма можно уловить и в других отечественных научно-образовательных учреждениях. Вместе с тем «контрглобализм» современной российской науки сопряжен не только с ее традиционализмом. Некоторые из наблюдающихся в ней новых тенденций тоже выглядят противоречащими мировой практике и в этом смысле

¹⁰ Яркими примерами могут служить Программа поддержки кафедр региональных вузов, реализованная фондом Сороса, или Программа развития Межрегиональных институтов общественных наук, инициированная фондом Карнеги.

«контрглобалистскими». Например, порожденные приватизацией отраслевых НИИ такие явления, как создание обувной фабрики на базе института самолетостроения или строительного кооператива на базе Института технологии микроэлектроники (1), сдача нашими институтами тысяч квадратных метров в аренду и т. п. Все это сколь привычно для нас, столь нетрадиционно для мировой науки, а для ее представителей также малопонятно, как и то, почему у нас на заре рыночных реформ в рыбных магазинах продавались ботинки. В результате отечественная наука к своим традиционным специфическим чертам и традициям добавила ряд столь же специфических нетрадиционных, в чем-то еще более усилив свою самобытность.

В то же время глобалистские тенденции современной российской науки явно перевешивают контрглобалистские, а основные проявления ее традиционализма, по всей видимости, вскоре последуют вслед за «железным занавесом». Если, конечно, мы не создадим новых занавесов, способных отделить нас от остального мира. Но это теперь уже маловероятно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдулов А. Н., Кулькин А. М. Структура и динамика научно-технического потенциала России. М., 1996.
2. Арапов М. Наука и информация // Отечественные записки, 2002, № 7, с. 167–180.
3. Батыгин Г. С. Невидимая граница: грантовая поддержка и реструктурирование научного сообщества в России (заметки эксперта) // Науковедение, 2000, № 4, с. 67–79.
4. Бикбов А. Государство в научной проекции // Отечественные записки, 2002, № 7, с. 189–2002.
5. Бромберг Г. В. Российский вариант экономики знаний // Науковедение, 2003, № 2, с. 8–37.
6. Вартанова Е. Медиа в постсоветской России: их структура и влияние // Pro et Contra, 2000, Т. 5, № 4, с. 61–81.
7. Егерев С. Диалоги с диаспорой // Отечественные записки, 2002.
8. Зегберс К. Сшивая лоскутное одеяло... (шансы и риск глобализации в России) // Pro et Contra: проблемы глобализации, осень 1999, с. 65–83.
9. Ильин И. А. О русской идее // Русская идея. М., 1992, с. 436–443.
10. Кареев Н. И. О духе русской науки // Русская идея. М., 1992, с. 171–180.
11. Кузнецов В. «Золотой миллиард» и остальное человечество // Pro et Contra: проблемы глобализации, осень 1999, с. 103–113.
12. Максименко В. Происходит ли «глобализация»? // Pro et Contra: проблемы глобализации, осень 1999, с. 84–102.
13. Маршакова-Шайкевич И. Вклад России в развитие мировой науки: библиометрическая оценка // Отечественные записки, 2002, № 7, с. 314–349.
14. Основы политики Российской Федерации в области науки и технологий до 2010 года и дальнейшую перспективу // Поиск, № 16 (674), 19 апреля 2002 г.
15. Чешков М. А. Глобалистика как новое научное направление // Науковедение, 2001, № 1, с. 123–134.
16. Чешков М. Глобализация: сущность, нынешняя фаза, перспективы // Pro et Contra: проблемы глобализации, осень 1999, с. 114–127

17. Шестопап Е. Б. Трансформация политологического сообщества в современной России // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 1999. № 1, с. 87.
18. Юревич А. В. Наука и СМИ // Полис, 2001, № 3, с. 63–71.
19. Юревич А. В. Наука при медиакратии // Науковедение, 2002, № 1, с. 69–85.
20. Юревич А. В. Национальные особенности российской науки // Науковедение, 2000, № 2, с. 9–23.
21. Юревич А. В. Неравное равенство: расслоение российского научного сообщества // Науковедение, 2002, № 3, с. 57–74.
22. Юревич А. В. Психологи тоже шутят. М., 2003.
23. Юревич А. В., Цапенко И. П. Нужны ли России ученые? М., 2001.
24. Ярошевский М. Г. Наука о поведении: русский путь. М., 1996.